

«ДУХОВНОСТЬ»: ИДЕАЛ, ПРОЦЕСС ИЛИ МИФ?

Алейникова С.М.

Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Именно концепт «духовности» («духовно-нравственного воспитания», «духовного возрождения») на сегодняшний день можно обозначить как один из самых популярных в образовательной среде, политической и конфессиональной риторике, и в то же время наиболее «размытых» в семантическом плане.

Идеал духовности традиционно противопоставляется процессам вестернизации и релятивизации аксиологических систем, выступая в качестве образа безусловного «друга» и одного из главных ориентиров воспитания подрастающего поколения, способствующего межпоколенной трансляции традиционных ценностей и сохранению социокультурной идентичности белорусского общества. Однако ключевой является проблема выявления, осмысления и наполнения, в первую очередь, содержания духовно-нравственного воспитания, т.е. проблема понимания духовности.

В этой связи актуализируется задача выявления основных подходов, изначальных смыслов, анализа наиболее распространенных контекстов обращения к концепту духовности в образовательном пространстве, религиозном и политическом дискурсе.

Само понятие духовности, являясь производным от корня «дух», как правило, отождествляется в обыденном сознании с религиозными идеалами и православной традицией. Однако духовность более обоснованно можно обозначить как смысловое новообразование, являющееся неизменным атрибутом русской религиозной философии, а также распространенным идеологическим конструктом. Непосредственно же в православной религиозной традиции и, в частности, в словаре церковно-славянского языка, как и большинстве этимологических словарей русского языка, понятие духовности в принципе отсутствует, а родственное «дохловный» трактуется как противоположность телесному, естественному мышлению и действию, происходящее от Духа Святого: «живущий духом, как высшей частью существа человеческого» [1, с. 157].

Понятие духовности появляется лишь в относительно поздних толковых словарях, окончательно оформившись только к первой половине XX века. Д.Н. Ушаков трактует его как книжное и устаревшее и подразумевает «отрешенность от низменных, грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа» [2]. С.И. Ожегов рассматривал духовность как «свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными» [3]. В словаре В.И. Даля присутствует лишь краткая пометка «духовность как сост. духовного» [4]. Словарь же современного русского литературного языка содержит следующую дефиницию: «Духовная, интеллектуальная природа, сущность человека, противопоставляемая его физической, телесной сущности; богатство духовного мира человека, высокий уровень нравственных, интеллектуальных потребностей, норм» [5, с. 531].

Таким образом, сформировавшееся как производное от корня «дух», понятие духовности оформилось в русском языке изначально в рамках светской, академической традиции как противопоставление материальной, телесной, тварной природе человека. Русская религиозная философия (Н. Бердяев, В. Соловьев и др.) придали данному значению религиозный смысл, который и был заимствован и широко транслирован в современной религиозной и политической риторике.

На сегодняшний день в научной литературе и в общественно-политическом дискурсе сложились две основные трактовки духовности: светская (секулярная) и религиозная.

Светская трактовка предполагает культурно-ценностное понимание духовности и, как правило, связывает ее развитие с нематериальной сферой. Контент-анализ научных статей, предметом рассмотрения которых является концепт духовности, позволяет построить синонимичный ряд, включающий в себя наиболее часто упоминаемые слова-характеристики духовности. К ним относятся «нравственность», «нематериальное», «коллективное», «общественное». Среди характеристик-противопоставлений чаще всего упоминаются «индивидуализм», «разрушение традиций», «дезинтеграция». В то же время указанные противопоставления связываются исключительно с кризисом духовности, но не с кризисом системы образования и падением общего уровня культуры.

В этой связи необходимо также различать категории «духовность общества» и «духовность человека», поскольку первое включает и предполагает обязательное присутствие материального фактора. Соответственно источники формирования и инструменты межпоколенной трансляции духовных ценностей являются исключительно материальными, поскольку связаны с государственным регулированием и деятельностью таких социальных институтов, как образование, наука, культура и т.п. Осуществление деятельности данных социальных институтов невозможно без развитой инфраструктуры (школ, библиотек, музеев и т.п.), бюджетного финансирования и широкого спектра программ государственной поддержки социальной сферы.

Отдельно следует выделить также мотивационный подход, когда понятие духовности характеризуется поведением, побуждаемым не потребностями человека, а его ценностями, т.е. является характеристикой сознания личности, определяющей социальную активность и выступающей одним из механизмов ее саморегуляции. Это дает основание некоторым авторам также отнести духовность к родовым определениям человеческого способа жизни [7, с. 44].

К светской трактовке духовности приближена и риторика первых лиц государства, но в ней, как правило, отсутствуют противопоставления. В частности, в выступлениях Президента Российской Федерации «духовность» чаще всего понимается более широко и ставится в один ряд с культурой и образованием, хотя и выделяется в отдельную смысловую категорию: «духовность *и* культура», «духовность *и* образование».

В выступлениях Президента Республики Беларусь концепт духовности отождествляется главным образом с нравственностью и гуманизмом и дополняется довольно широким ассоциативным рядом в большей степени эстетических, абстрактных категорий («доброта», «созидание», «чуткость», «красота», «искусство», «мир», «правдивость», «патриотизм», «материнство» и др.). По существу, смысловое наполнение концепта духовности характеризует идеальный образ национального архетипа восточных славян.

Стереотипное же понимание духовности, наиболее распространенное в обыденном сознании, соответствует достаточно узкой религиозной трактовке. Духовность связывается исключительно с верой в трансцендентное и, как правило, ставится в один синонимичный ряд с религиозностью и как производное от религиозности – нравственностью. Религиозное понимание духовности определяет подход к культуре как к производной от православия или другой «титульной» религии, т.е. так или иначе является монополизационным. Соответственно единственным легитимным носителем «духовности» и инструментом ее «возрождения» априори подразумеваются РПЦ и православие, берущие на себя роль безусловного «друга».

Общим с приведенными трактовками является то, что основным синонимом духовности выступает нравственность, хотя и в различном понимании, однако в конфессиональной риторике четко формируется образ-противопоставление, образ «врага». Так, если анализировать выступления Патриарха Кирилла, в которых присутствует обращение к концепту духовности, то основной характеристикой духовности в понимании главы РПЦ является «нравственность» («нравственное воспитание», «нравственные ценности», «нравственный контроль» и т.п.). В то же время религиозной трактовке присуще обязательное противопоставление. В качестве противопоставления духовности предсказуемо выступают «кризис», «коррупция», «смута», «Европа» и «интернет», формируя тем самым объективированный образ «врага» – как внешнего («Европа», «кризис»), так и внутреннего («интернет», «коррупция»).

Таким образом, стереотипное понимание духовности изначально строится на ряде противопоставлений:

- 1) *противопоставление нематериального материальному* (духовности прагматизму);
- 2) *противопоставление общего личному* (общих, соборных, коллективных ценностей индивидуализму). Здесь же следует упомянуть об активном и последовательном неприятии, в частности, РПЦ основ конституционного строя современного демократического государства – концепции прав человека, предполагающей индивидуализацию сознания и сосуществование множественности ценностных систем;
- 3) *противопоставление прошлого настоящему и будущему* (традиционных ценностей как основы духовности вестернизации и глобализации), т.е. конструирование модели идеального прошлого. Духовность в данном контексте выступает скорее как форма существования традиции. Такое противопоставление ставит под сомнение целесообразность и ценность в принципе какого-либо развития, поскольку ориентировано не на развитие и устремление вперед, а возврат и статичное пребывание в состоянии «идеального прошлого». Об этом свидетельствуют и устойчивые словосочетания «возрождение духовности», «духовное возрождение» (не «развитие»).

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что изначально концепт духовности оформился как светское, мировоззренчески нейтральное понятие, обозначающее преобладание нематериальных качеств и интересов человека. В настоящее время в обыденном сознании данный концепт отождествляется с религиозным идеалом и широко используется прежде всего в конфессиональной и политической риторике.

Однако, изначально выступая в качестве противопоставления, концепт духовности трансформируется главным образом в инструмент формирования образа «врага» и в большей степени может быть охарактеризован как форма современного политического мифотворчества, чем общего социокультурного и ценностного ориентира.

Переход его из разряда мифотворчества в социальную реальность зависит в первую очередь от материальных факторов, традиционно противопоставляемых духовности. Разрешение этого противоречия позволит выработать единые ценностные и идеологические основания образовательного пространства, непосредственно формирующего преемственность национальных традиций в динамичных процессах социокультурного развития белорусского общества.

Список использованных источников:

1. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений): Всех слов объяснено ок. 30000 / Сост. Г. Дьяченко. - М.: Моск. Патриархат: Посад, 1993. - XXXVIII. - 1120 с.
2. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Сост.: В.В. Виноградов и др.; Под ред. Д.Н.Ушакова. - Т. 1 (А-К). - М.: АО «Рус. слов.», 1994. - 1565 с.

3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/words/7965.shtml>. Дата доступа: 21.06.2013.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovar-dalja.ru/slovar-dalya/dux/7615/>. Дата доступа: 21.06.2013.
5. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – Т. 1 [Л.П. Алекторова и др.]; 2 изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1991. – 741 с.
6. Гостева, И.В. Лингвокультурологическое поле «духовность»: структура и динамика / И.В. Гостева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №36. – С. 34–39.
7. Кожина, Л.А. Психологические подходы к определению понятия «духовность» / Л.А. Кожина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2001. – Т. 23. – №4. – С. 44–46.

Репозиторий ВГУ